

Евгений Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину

Из библиотеки Олега Колесникова

Уважаемые граждане – и тоже гражданочки, которые там у вас в самом задку смеются, не взирая на момент под названием вечер воспоминаний о революции. Я вас, граждане, спрашиваю: желательно вам присоединить к себе также и мои воспоминания? Ну, так прошу вас сидеть безо всяких смехов и не мешать предыдущему оратору.

Перво-на-перво я, может быть, извиняюсь, что мои воспоминания напротив всего остального есть действительный горький факт, а то у вас тут все как по-писанному идет, а это неписанное, но как естественно было в нашей деревне Куймани Избищенской волости, которая есть моя дорогая родина.

Вся природа у нас там расположена в сплошном лесу, так что вдали никакого более или менее уездного города, и жизнь происходит очень темная – в роде у каких зебр или подобных племен. В числе, конечно, и я был тоже бессознательный шестнадцати лет и даже верил в религию – ну, теперь этому, конечно, аминь вполне. А брату моему Степке – царство ему небесное! – было годов этак двадцать пять, и кроме того он был ростом очень длинный, однако, грамотный несколько. И вдобавок Степке другой, как говорится, герой – это наш бондарев сын Егор, который тоже проливал жизнь на фронте.

Но как все это существует в минуту капитализма, то имеется также противный класс в трех верстах, а именно бывший паук, то есть помещик Тарантаев, который, конечно, сосал нашу кровь, а обратно из-за границы привозил себе всевозможные предметы в виде голых статуй, и эти статуи у него в саду расставлены почем зря, особенно одна с копьем, в роде бог – конечно, не наш православный, а так себе. И притом в саду гулянки и песни с фонариками, а наши бабы стоят и сквозь забор пялятся, и Степка тоже.

Степка – он не то что шаболдник был или что, а так в роде чудной, опять же у него порча в нутре была, так что его даже в солдаты не взяли, и он оказался безработный член домашнего быта. Все ему завидуют сзади и спереду, а он сидит со вздохом и книги читает. А какие у нас, спрашивается, были книги в этот царский момент? Не книги, а, можно сказать, отбросы общества – или, вкратце, удобрение. И вся, если можно, публичная библиотека была под видом чернички Агафьи сорока трех лет, которая над покойниками псалтырь читала.

Ну, конечно, насосался Степка этих книг и пошел дурака валять. Ночью, бывало, проснешься, с полатей вниз глянешь, а он весь белый перед образом и сквозь зубы шипом шипит: "Ты меня с-слышишь? Ты с-слышишь?" Я и скажи ему один раз: слышу, говорю. Кэ-эк он затрясется да вскочит, а уж я не могу, из меня смех носом идет. Ну, тут он меня измучыскал так, что у меня печенки с легкими перемешались – насилу отдох.

А Степка утром – папаше в ноги: "Отпустите, говорит, меня в монастырь. Я, говорит, не могу, как вы, жить ежедневно, потому у меня в груди стоит неизвестная мечта". А папаша ему произнес: "Ты, говорит, Степка, практический дурак и более ничего, и завтра же ты у меня на работу в город поедешь к дяде Артамону". Степка начал, было, против папашы говорить разные слова в виде писания, но папаша у нас довольно не очень глупый и притом с хитриной – он и говорит Степке: "А в писании-то в твоём что сказано? Что всякий сукин сын мать и отца слушаться должен. Вот это действительно святые слова". Выходит, писанием-то и утер ему орган носа, так что покорился Степка и чуть свет уехал к дяде Артамону, который на фабрике отставным вахтером служил.

И вот, как говорится, картина жизни с полета: тут, например, фабрика вертится в полном дыму, и где-нибудь на африканской границе невозможные скалы гор, и происходит ужасное сражение, а мы в своем лесу ничего не видим, бабы без мужиков как телухи ревут, и притом мороз.

В течение времени бондарева сноха от мужа Егора получила с фронта письмо, что-де произведен в герои первой степени с Георгием и в скорости жди меня обратно. Тут баба, конечно, обрадовалась и надела чистые чулки. Перед вечером на Николу вышли мы с папашей – глядь, катит на розвальнях Егорка бондарев, рукой машет и какие-то слова говорит, а какие – не слышать, только пар из роту клубками в виду холодного мороза.

Я, конечно, очень волнуюсь поглядеть героя, но папаша мне говорит: "Надо повзгодить, покуда он там с своей бабой произведет смычку". И только он это сказал – егорова баба к нам сама ввалилась. Глаза белые, страшные, руки трясутся, и говорит